

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОНТАННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

Наша задача показать, как намерение говорящего определяет словоупотребление и синтаксис спонтанного научного текста.

А. А. Ивину принадлежит деление текстов на два типа: описания и оценки [1, с. 151, 158, 159–160]. Только первые могут характеризоваться по признаку истинности/ложности. Тексты-оценки находятся в области ценностей и субъективного представления говорящего о мире, не закрывая, однако возможности аргументации основания и характера оценки. Оценка может касаться предмета, взятого в динамике или статике [2, с. 20–21]. При этом субъект оценки опирается на свое понимание нормы. Целью нашего сообщения является сравнение спонтанных устных текстов, записанных на содержательном и синтаксическом уровнях от специалиста и неспециалиста.

В ходе первого этапа научного исследования спонтанной научной речи были записаны и расшифрованы тексты телевизионных программ «Очевидное – невероятное», «Что делать?», посвященные актуальным проблемам российской общественно-политической жизни. Тексты были разделены на фрагменты, длительностью 200–500 фонетических слов. Адресантами текстов были специалисты в своих областях. В своей речи они стремились а) предъявить адресату денотативную ситуацию, б) проанализировать ее и в) аргументированно представить свою интерпретацию. Адресанты-специалисты в зависимости от личной манеры в устной спонтанной речи прибегали к разным способам аргументации: теоретической и эмпирической [2, с. 41–44]. Высказывания специалистов мы причисляем к типу текстов-описаний и аргументированных оценок.

На втором этапе экспериментатором были определены предметные области, структура и актанты внеязыковых ситуаций, выделены проблемы, которым посвящены тексты.

На третьем этапе были отобраны дикторы с законченным высшим гуманитарным образованием, не являющиеся специалистами в предметных областях, которым были посвящены телепрограммы, и не смотревшие их. Экспериментатор заранее сообщал дикторам предметные области. Непосредственно перед записью дикторам

предъявлялась конфигурация денотативной ситуации, которой был посвящен текст специалиста, а также круг затронутых проблем, после чего им предлагалось высказаться. Под конфигурацией ситуации мы понимаем набор актантов и сирконстантов. Нас интересовало, сохранит ли диктор-неспециалист конфигурацию внеязыковой ситуации и способ аргументации.

Сравнение конфигураций денотативной ситуации в высказываниях разных дикторов показало, что диктор-неспециалист мог а) сохранять контуры конфигурации и состав актантов денотативной ситуации специалиста; б) мог предлагать свою версию денотативной ситуации, конфигурация которой отличалась от версии специалиста. Высказывания первого рода отличались от текстов специалиста в оценке и интерпретации денотативной ситуации. Во втором случае мы сталкивались с новой таксономией. Подобное высказывание являлось текстом-мнением. Таксономия представляет собой отнесение предмета или явления внеязыковой действительности, а также имени, называющего его, к некоторому классу и может строиться на разных основаниях как отношение 1) гипонима / гиперонима; 2) имени собственного / нарицательного имени, называющего естественный класс; 3) имени собственного / нарицательного имени или словосочетания, включающего оценочный компонент.

Одним из синтаксических показателей экспликации экстралингвистической ситуации можно считать глагол *являться*. Семантика данного полужнаменательного глагола толкуется так: 'быть кем-, чем-л., представлять собой кого-, что-л.' [3, т. 4 с. 778]. В научном стиле глагол служит средством построения таксономий, а значит, средством конструирования внеязыковой ситуации. В речи глагол *являться* сочетается с оценочным компонентом предиката только в случае таксономического употребления.

Сравнение спонтанных текстов диктора-специалиста и неспециалиста показало, что первый, в отличие от второго, реже прибегал к построению таксономий с помощью глагола *являться*. В речи неспециалиста данный глагол употребляется таксономическим и не-таксономическим образом. У неспециалиста таксономия приобретала «матрешечный» характер: *поскольку США является мировым экономическим лидером и это является одних одним из составных эээ частей американского имперского проекта, Соединенных Штатов в ближайшем времени, видимо, эээ крах имперского про-*

екта не коснется. Нетаксономическое употребление данного глагола в составе предикатов – *развитые страны сталкиваются... для них миграция является большой проблемой.*

Новая таксономия и аргументация в высказывании диктора-неспециалиста строилась с усечением интенциональных признаков. Империя – 1. ‘Монархическое государство, во главе которого стоит император’, 2. ‘Крупная империалистическая колониальная держава’ [3, т. 1, с. 662]. Опираясь термином *империя*, диктор-неспециалист в рамках одного текста рассуждает о Германии второго и третьего Рейха и современных США, имея в виду первое и второе значения полисемичного слова, однако во втором случае, по-видимому, говорящий отказывается от признака *колониальный* в толковании. Такое же смещение в значении происходит в речи неспециалиста при употреблении отсубстантивного прилагательного *имперский*. Его семантика претерпела изменения: в МАС она толкуется как ‘прил. к империя’ [3, т. 1, с. 662], а в более позднем словаре отмечены два значения: 1. ‘к империя (1 зн.)’, 2. ‘Великодержавный’ [4, с. 390]. Манипулирование значениями приводит к созданию такого высказывания, которое оформлено как описание, но на самом деле является текстом-мнением. Способ аргументации мы могли бы в этом случае назвать полисемичным. Это частный случай подмены тезиса. Мнение маскируется под описание, подобно «лингвистической демагогии», когда ассерция представлена говорящим как презумпция [5].

Когда же конфигурация и состав актантов денотативной ситуации у специалиста и неспециалиста совпадают, но второй предлагает иную оценку внеязыковой действительности, подобные тексты являются интерпретациями, промежуточным типом между описанием и мнением.

1. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997.

2. Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2000.

3. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.

4. Большой толковый словарь / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

5. Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» – мощное средство убеждения коммуниканта // Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. С. 155–161.